

УДК 930.85

Н. И. Безлепкин

ПОЗИТИВИСТСКАЯ ПРОГРАММА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.*

БЕЗЛЕПКИН Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук. Северо-Западный открытый технический университет. 195027, Якорная ул., 9, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru.

В статье освещается влияние позитивистской философии и методологии на развитие отечественной университетской исторической науки, философии истории на рубеже XIX–XX вв. Отмечается самобытность творческих исканий русских историков, которые не пошли по пути механического заимствования позитивистских идей, а разработали собственную реалистическую программу развития отечественной исторической науки, её реализации в стенах российских университетов.

ПОЗИТИВИЗМ В РОССИИ; ИСТОРИОГРАФИЯ; ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ; ИСТОРИОСОФИЯ

На рубеже XIX–XX вв. в российских университетах окончательно возобладала позитивистская программа в преподавании исторических дисциплин. Большая часть русских историков воспринимала позитивизм как способ, каким стало возможно обосновать научность историографии, перевести историческое знание на более реалистическую позицию. Профессора российских университетов на основе позитивистской программы подходили к историческому исследованию как к особому виду интеллектуальной деятельности со своим языком и методологией, пытались очертить его предмет, выделить сферу исторического знания в обособленную область научного познания, стремились преодолеть ограниченность и умозрительность историософских построений

---

* Исследование осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №15-03-00488а.

религиозных мыслителей, упорно сохраняющих свои позиции в общественном сознании.

Основными причинами принятия русскими историками позитивистской программы было то, что, «во-первых, позитивизм заключал в себе мощный историко-научный пафос, именно в рамках этой доктрины возрастает интерес к истории науки, причем, обращалось внимание и на социальный фактор историко-научного развития. Во-вторых, это период ярко обозначившейся дифференциации исторической науки – многие вспомогательные исторические дисциплины постепенно приобретают статус самостоятельных. В-третьих, историческая наука переживает начинающуюся парадигмальную ломку, что было вызвано как социальными условиями конца века, так и симптомами кризиса позитивистской доктрины, “третьей научной революцией”, что объективно стимулировало историографическое осмысление» [1].

Уже В.О. Ключевский в рамках позитивистской парадигмы определил ряд новых областей исторического знания, разрабатывая лекционные курсы по источниковедению, методике исторического исследования, историографии. Его перу принадлежат лекции по русской историографии XVIII века, которые он читал в Московском университете. На рубеже XIX–XX веков интерес к историографии значительно возрос. Университетские курсы по историографии читали ведущие ученые страны в Петербургском университете – Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, в Киевском университете – В.С. Иконников, в Харьковском – Д.И. Багалей.

Этот своеобразный историографический бум объясняется несколькими обстоятельствами, но прежде всего он был связан с принятием позитивистской программы, обусловившей смену методологии и перестройку процесса преподавания исторических дисциплин и философии истории. Многие из них, как например, Н.И. Кареев реформу преподавания исторической науки в университетах связывали, прежде всего, с возрастанием значения историографии. Уже в 1888–1889 учебном году он читал полный курс историографии, а лекционные и практические занятия по этому курсу велись в течение всей работы в университете. Наиболее удачным был прочитанный им в 1913–1914 гг. лекционный курс «Обзор историографических учений конца XVIII – начала XX века» [2, с. 313]. В структуре исторического знания общая теория истории делится

Кареевым на две области – теорию исторического знания, которая включает в себя вопросы гносеологии, логики, методологии, и социологию, в которой он, подобно Конту, различает социальную статику и социальную динамику. По мнению Кареева, философия истории включает в себя две части: теоретическую и конкретно-историческую. Последняя предполагает социальную морфологию, т. е. фиксацию исторических сдвигов, и историологию как науку о причинах, факторах исторического процесса. Позитивистские идеи, творчески переосмысленные Кареевым, нашли своё отражение в читаемых им в Санкт-Петербургском университете курсах новой и новейшей истории стран Запада, в деятельности созданного им «Исторического общества».

Сходную позитивистскую программу разделяло большинство русских историков (Н.А. Рожков, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер и др.). Так, в вопросах теории истории известный русский историк и профессор Московского университета Н.А. Рожков, придерживающийся критического позитивизма, свой интерес к гносеологической проблематике облек в форму защитной, критической реакции на распространение в науке гносеологических принципов, препятствующих созданию научной истории по типу естественнонаучного идеала познания. Свои методологические взгляды он определял как «эмпириокритицизм с важными дополнениями». Н.А. Рожков в русле эмпириокритической философии утверждал «относительность» знания, что научные положения, считавшиеся когда-то истинными, являются только "методологическими допущениями", "эвристическими конструкциями". Одновременно он не соглашался с отнесением к таковым «принципа энергии», выработанного современным естествознанием и научной философией. Ведь тогда, пишет ученый, «делаются сомнительными, даже прямо эфемерными научные выводы». Хотя он и оговаривается, что современной науке подвластно многое, но не все. Достижение абсолютной истины признается им и здесь он расходится с эмпириокритицизмом. Открытие и изучение исторических законов рассматривается Рожковым в качестве главной познавательной цели исторической науки. «Историк нашего времени, если он стоит на высоте положения... должен сделаться любознательным исследователем, обобщающим фактический материал, открывающим законы общественного развития», считал он [1]. Выступив в начале своей преподавательской и

научной деятельности под лозунгом «научной истории», построенной по образцу и подобию естественных наук, историк сделал этот лозунг лейтмотивом всех своих работ. «Наука всегда схематична; где нет схемы, общей единой закономерности, ... там нет и науки» – был убежден Н.А. Рожков и в этом заключалось его научное кредо [1].

Под влиянием позитивистской программы находилось и историческое мировоззрение профессора Московского университета П.Г. Виноградова. Отрицая научное значение общетеоретических построений, историк свои теоретико-методологические взгляды подчинил задаче обоснования научности историографии. «Наука, – писал он, – есть знание, приведенное в порядок рефлексией, и как таковое является характерной особенностью человечества; наиболее фундаментальное развитие между человеком и животным заключается в способности к рассуждению» [3, 6]. Соглашаясь с тем, что историческая эпоха неизбежно сказывается на историографии, но при этом она обладает и своей имманентной логикой развития, что сближало его взгляды с позицией представителя петербургской школы историков – А.С. Лаппо-Данилевского. «Школы, – писал Виноградов о складывающихся в историографии направлениях, – сменяют друг друга не в силу каприза или талантливости отдельных ученых, а в силу общих условий, действующих помимо прямого заимствования и сплетающихся разноплеменных исследователей в теоретические группы. Толчок для образования групп приходит из практики, то есть из общей исторической жизни, отовсюду облегчающей науку, образующей ученых, подсказывающей решения. И, тем не менее, теоретическое развитие самостоятельно – самостоятельно настолько, что вся сила этой многообразной жизни не в состоянии прервать или повернуть назад его течения, а принуждена склонять его в новых и новых изгибах все в том же поступательном направлении» [4, 33].

Общий позитивистский настрой эпохи способствовал тому, что главенствующее место среди научных идеалов и норм исследований и преподавания прочно занимают естественные науки. Естествознание выступает в качестве методологического эталона для философии истории и исторических дисциплин в российских университетах. В своих лекциях по истории Греции П.Г. Виноградов отмечает, что «вторая половина нашего века находится под влиянием того взгляда, что историческая наука

по методу исследования должна приближаться к наукам естественным» [2, 499]. Позитивизм служил Виноградову общей основой всех его теоретических заключений и обобщений. Требования, предъявляемые им к научной истории, соответствуют главным постулатам позитивизма: изучение явлений, а не сущностей вещей, использование идей и методов, добытых естествознанием, отказ от любых метафизических предпосылок в исследованиях [5, 135]. «Крайне необходимо установить, – писал Виноградов, – понятие социальной «науки» подобно естественным наукам, как физика, химия, биология, что в недавнем прошлом было предпринято, главным образом, Контом и Спенсером» [5, 140]. В то же время он полагал, что естественные дисциплины не способны полностью заменить методологию социальных исследований, которая, по его мнению, «устанавливает свои собственные стандарты» и специфические методы.

Позитивистская программа нашла своё проявление и в творчестве историка Р.Ю. Виппера. Его научная и лекционная деятельность на кафедре всеобщей истории Новороссийского университета, а затем в Московском университете носят отчетливые следы влияния Конта. Он активно выступал против проявления спекулятивной философии истории, её схематизма. В своих трудах и лекциях перед студентами он четко излагал своё представление о взаимосвязи, взаимообусловленности и единстве всех сторон общественной жизни, сочетаемое с теорией факторов, исходящей из равнозначности первоначал исторического процесса; последовательно придерживался эволюционизма как способа объяснения исторического развития; взгляда на значение исторических личностей как на результат деятельности среды. Как отмечают исследователи его творчества, в центре внимания Виппера в его лекционных курсах, которые занимали доминирующее место в его деятельности, были «не восстановление фактической стороны исторического процесса и не всесторонний скрупулезный анализ источника, а общая оценка, та или иная философско-историческая проблема, мировоззренческая значимость освещаемого явления» [6, 133].

Разрабатывая методологию исторического познания, Виппер обратился к эмпириокритицизму (махизму), что нашло выражение в «Очерках теории исторического познания» (1911). Представленная в очерках концепция «исторического реализма» означала замену общей

теории исторического процесса анализом психической активности индивида. Критикуя классический позитивизм за увлечение онтологическим срезом исследования, он делал упор на изучении психического, которое рассматривалось им феноменологически, как очищенное от материального, причинно-следственных отношений, связи и т. д. Теория факторов уступила место концепции «умственных разрезов», которая представляла материальное и духовное как две стороны единого нейтрального целого, взаимоотношения между которыми носят функциональный характер.

Истоки выявления исторических фактов Виппер видел в сознании исследователя, в его способности к аналитике и комбинаторике. Поэтому историческое исследование интересовало его в значительной степени с точки зрения психологии творчества. Им был дан анализ профессионального аспекта деятельности историка, в котором имеется немало ценных наблюдений. Обращая особое внимание на психическое как непосредственно данное, он вместе с тем предостерегал от «психологизации» и «драматизации» исторического процесса. Таким образом, историческая реальность, по сути, подменялась психологической реальностью. Махистская философия характеризуется Виппером как «новый реализм», а свою социальную систему он обозначает как «исторический реализм». В фокусе его внимания теперь оказывается не социально-экономическая проблематика, как прежде, а явления прагматически-психологического порядка, возврат к более архаической историографии, что отмечалось его оппонентами. Виппер ставит перед собой задачу пересмотреть с позиций психологизма все традиционное понимание социологических категорий, причинности, закономерности, прогресса и т. д. Прогресс мыслится им не как объективное явление, а как продукт творчества историка. Теорию факторов сменяет теперь теория «умственных разрезов». Материальное и идеальное интерпретируются как два проявления некой нейтральной, а по сути все же психической среды. Причинность и закономерность трактуются как чисто духовные феномены. Поскольку так называемый исторический факт по своей природе существует лишь в сознании, то он рассматривается только как феномен науки истории, а не объективного исторического процесса. Его выделение и его интерпретация – дело историка.

Виппер оказался одним из самых ревностных защитников позитивистской программы в сфере исторической науки. Наиболее полно и рельефно эмпириокритицизм Виппера отразился в его курсе лекций 1908–1909 годов, превращенных сначала в цикл статей, а затем в книгу. Здесь он критиковал позитивизм за недооценку им гносеологии, и в частности методологии. Однако при этом впадал в другую крайность, растворяя онтологию в гносеологии, а последнюю в психологии. Если в 90-е годы психология его интересовала как факт объективного социального процесса, то теперь психологические процессы становились единственным источником, с которым имеет дело историк.

Другие представители отечественной исторической науки, в частности, А.С. Лаппо-Данилевский, рассматривали историографию как часть науковедения, переживающего этап своего становления. Центральным тезисом его историко-научной концепции выступает единство логического и исторического как основы реального развития науки. Учёный фиксировал сложившееся расхождение в подходе к истории науки: либо определенная наука раскрывается во времени, либо изучается процесс умственного развития человечества, поскольку оно сказалось в истории науки. «Если история науки может быть приравнена к логическому развитию известного рода идей, последовательно раскрывающихся в действительности и не теряющих своей научной ценности и по настоящее время, то она дает понятие о самой науке... Признаки, по которым я могу судить о направлении, быстроте, сложности и прочем умственном развитии человечества, получают наибольшую точность в науке. Такое развитие, – писал А.С. Лаппо-Данилевский, – я буду называть реальным развитие науки» [1].

В материалах к лекционному курсу Лаппо-Данилевский ставил вполне определенную цель, прямо перекликающуюся с замыслом рассмотреть историографию в связи с общим ходом развития нашей культуры. Он считал, что историография должна быть не вводной дисциплиной в науку истории, а особым отделом истории культуры. По его мысли, историография должна заниматься изучением народного самосознания, той его части, «которая выразилась в научной обработке сознания прошлого». В постановке этой проблемы заметно влияние О. Конта. Но если Конт исходил из противопоставления логического и

исторического способов трактовки науки, подчеркивая универсальность последнего и считал, что с историей каждой науки, т.е. с действительным происхождением всех входящих в состав ее открытий, можно ознакомиться только путем прямого и всестороннего изучения истории человечества, то Лаппо-Данилевский наполнил ее иным содержанием.

Обратившись к контовской формуле логического и исторического, он указал на наличие внутренней логики развития науки, ее стадии логически вытекают одна из другой, наука восходит от низших стадий к высшим. Логический ряд, построенный исследователем, по Лаппо-Данилевскому, совпадает с действительными этапами развития науки. Эту мысль он иллюстрирует множеством примеров и, в частности, обращается к истории исторической науки. В истории истории, как он нередко называл историографию, согласно Лаппо-Данилевскому, логическую последовательность ее форм можно представить в виде следующей схемы: миф, летопись, критическое изложение, критико-прагматическое изложение, критико-научное построение. В пользу гипотезы о логическом развитии науки, по его мнению, говорит и то, что в истории не раз предсказывались или многократно повторялись научные открытия даже тогда, когда не могло быть и речи о каком бы то ни было заимствовании. В развернутом Лаппо-Данилевским доказательстве логического развития науки обнаруживается интерес не только к готовому знанию, но и к деятельности по его получению, что, безусловно, отражало общий культурный интерес к проблемам творчества, стимулируемый неокантианской доктриной.

Как справедливо замечал Лаппо-Данилевский, «логическое развитие науки в действительности постоянно нарушается». Размышляя над особенностями анализа исторического развития науки, он призывал к познанию исторической действительности во всей ее многосложности, к выяснению корней данной системы. Он полагал, что необходимо рассматривать самые мелкие обрывки научной мысли в генезисе, в зависимости от конкретных условий данного периода – социального быта, обычаев, традиций, техники, практической жизни и т.п. Задачей исследователя, по Лаппо-Данилевскому, является восстановление исторического значения изучаемой доктрины сквозь призму той ценности, которую придавали ей люди, создававшие и верившие в нее.

Философское осмысление истории профессорами российских университетов своим результатом имело становление историографии или, как её нередко называли – историей истории, в качестве научной дисциплины. Опора на позитивистскую программу, критически переосмысленную отечественными историками, открывала новые перспективы для развития философии истории, её освобождения от историософских наслоений, способствовала институционализации новых исторических дисциплин. Преподавание истории и философии истории в российских университетах, в свою очередь, обрело большую предметность и мировоззренческую направленность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бычков С.П., Корзун В.П.** Введение в историографию отечественной истории XX века: учебное пособие. – Омск. 2001. –359 с. ISBN: 5-7779-0265-0.
2. **Погодин С.Н.** Очерки русской историографии (конец XIX – начало XX века). – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2017. – 630с. ISBN 978-5-7422-5605-2
3. **Виноградов П.Г.** Очерки по истории права. М., 1915.
4. **Виноградов П.Г.** Исследования по социальной истории Англии в средние века / Соч. П.Г. Виноградова. – СПб. : тип. В.С. Балашева, 1887.
5. **Малинов А.В.** Очерки по философии истории в России в 2 т. Т.2. – СПб.: Интерсоцис, 2013. ISBN: 978-5-94348-071-3
6. **Софронов Б.Г.** Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. – М., 1976.

BEZLEPKIN, Nicolay I. – North-West Open Technical University. 195027, Yakornay str. 9, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru.

POSITIVISTIC PROGRAM OF PHILOSOPHY OF HISTORY AT THE RUSSIAN UNIVERSITIES BETWEEN THE 19-20TH CENTURIES

Influence of positivistic philosophy and methodology on development of domestic university historical science, history philosophy at a boundary of the 19-20th centuries is covered in article. Identity of creative search of the Russian historians which hasn't gone on the way of mechanical loan of the positivistic ideas, and has developed own realistic program of development of domestic historical science, her realization in the Russian universities is noted.

POSITIVISM IN RUSSIA; THE HISTORIOGRAPHY; HISTORY PHILOSOPHY; THE HISTORIOSOPHY
